

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
ПУТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ

№ 8

Акад. Д. И. БАГАЛЕЙ

Украинский странствующий философ
Г. С. СКОВОРОДА

С приложением статьи М. И. Давыдова
СКОВОРОДА и ЕГО ОБЩЕСТВО

Харьков, 1923

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУМЕНІ І. МЕЧНИКОВА

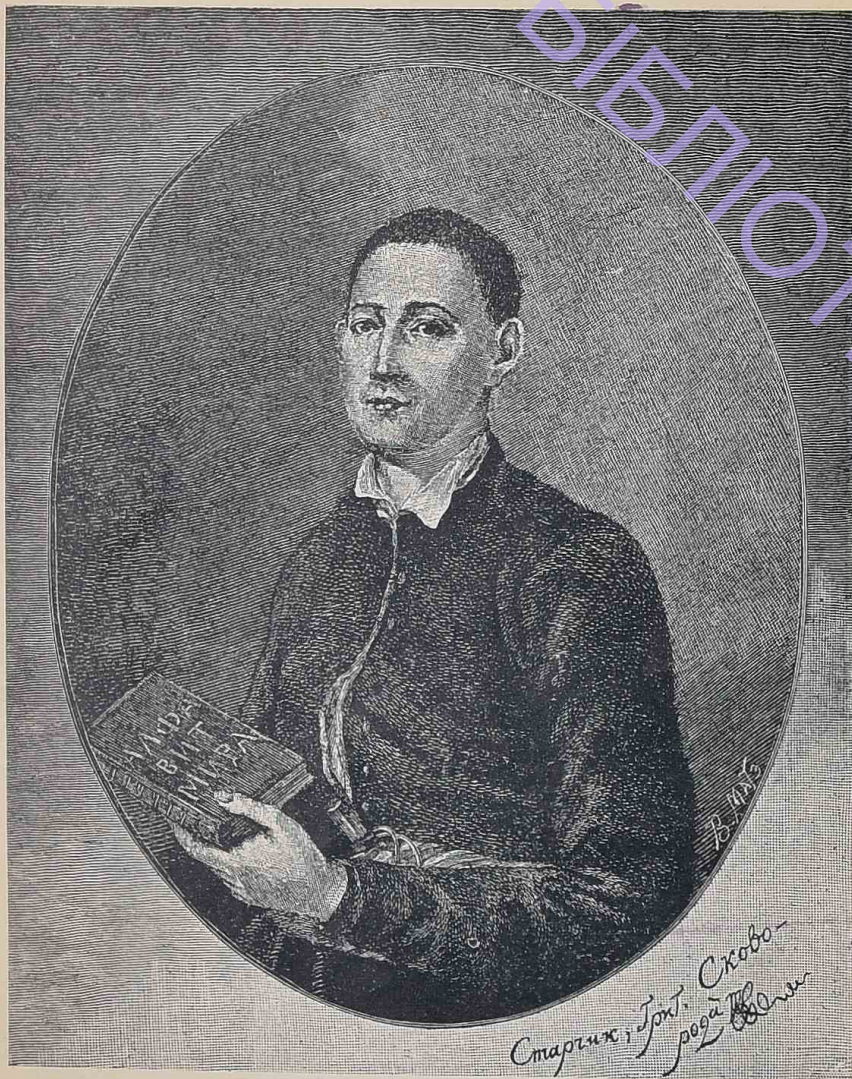
Академик Д. И. БАГАЛЕЙ

ОГР.

УКРАИНСКИЙ
СТРАНСТВУЮЩИЙ ФИЛОСОФ
Г. С. СКОВОРОДА

С ПРИЛОЖЕНИЕМ СТАТЬИ
~~М. П. ЯВОРСКОГО~~
СКОВОРОДА И ЕГО ОБЩЕСТВО

1953.

Григорий Сковорода
С офорта проф. Матэ

1923

ТИПОГРАФИЯ
НАРОДНОГО
КОМИССАРИАТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

К.

Украинский странствующий философ Григорий Саввич Сковорода.*)

(К 200-летию со дня рождения—22 ноября ст. ст. 1722—1922 г.).

1. Юбилей Г. С. Сковороды.

В 1894 году исполнилось 100-летие со дня смерти украинского народного странствующего философа Григория Саввича Сковороды, и тогда же А. Я. Ефименко в посвященной ему статье— „Философ из народа“, писала: „Нет сомнения, что Харьковский Университет почитит его память юбилеем. Та территория, которую Сковорода исходил вдоль и поперек собственными ногами, разнося как по панским дворам, так и по крестьянским хатам свет своей „новой славы“, слишком тесно связана с ним духовными нитями, присутствие коих хотя сознается и смутно, но тем не менее чувствуется. Юбилей будет и, надо надеяться, осветит более или менее полно эту туманную, но несомненно высоко даровитую и чрезвычайно оригинальную фигуру, так сильно поражающую мысли и чувства не только современников, но и ближайшего потомства. Прилетели новые птицы, запели новые песни, но это не дает нам права быть неблагодарными, тем более, что Сковорода нес на алтарь своего служения не избытки от своих душевных богатств, а самую душу, кровь своего сердца. Культурные люди Украины успели его забыть, но зато его помнит народ. А такая память стоит юбилейных торжеств“. Юбилей столетия со дня смерти Г. С. Сковороды состоялся, и— что очень характерно— его память одновременно чествовали на Украине, главным образом в Харькове, и в Москве— в Московском Психологическом Обществе. Научное Общество при Харьковском Университете выпустило в свет открытые мною сочинения Сковороды, которые дали толчек к уяснению его фило-

*) Русская авторская редакция речи, произнесенной на украинском языке в торжественном заседании в Социальном Музее им. тов. Артема 24 декабря 1922 г.

софского мирозерпання. Теперь, по случаю 200-летия со дня его рождения, нужно сделать дальнейший шаг: подвести итог тому, что выяснено было наукой для понимания его личности и оценки его деятельности за 28 л., протекшие между 2-мя юбилеями—от 1894 до 1922 г. Совнарком Украины, по представлению Наркомпроса, издал декрет о публичном чествовании памяти Сковороды и о напечатании моей монографии о нем.

Настоящий очерк основан на моем рукописном исследовании о Сковороде, но представляет не резюме его, а одновременно и синтетическую новую попытку выдвинуть и решить наиболее важные ударные вопросы, касающиеся Сковороды: 1) его эпохи и среды, 2) его личности, 3) его философии и 4) его значения.

2. Сковорода, его эпоха и социальная среда.

Деятельность каждого исторического деятеля, великая и малая, с ее средствами и целями оценивается с индивидуальной и этической точки зрения общественно-полезною чистотой его побуждений, важностью и значением руководящей им идеи. Чем чище эти побуждения, чем решительнее они возвышаются над личными и частными интересами, чем больше они проникаются интересами общего блага народа, его трудящихся масс, чем больше вносится в эту деятельность жизни, самопожертвования, страсти; чем полнее эта последняя охватывает все силы и способности человека, тем выше и достоинство этой деятельности. С точки зрения социологического и материалистического понимания истории, необходимо установить правильный взгляд на роль личности в обществе. „Историк, описывающий прошлое, никогда не сможет совершенно пройти мимо отдельных личностей, если он хочет изобразить особые формы, в которых совершалось историческое развитие при данных особых условиях“. Какое же влияние может оказывать личность на развитие общества? Каждая личность есть продукт условий и среды. Личность не открывает для общества новых проблем, но может иногда увидеть их там, где другие не замечают. Точно так же и в разрешении этих проблем личность связана теми средствами, какие в распоряжение ее дает данная эпоха. Напротив, выбор того круга проблем, которому личность себя посвящает, выбор точки зрения, с которой она подходит к их разрешению, и, наконец, сила, с которой она защищает свою точку зрения,—не могут быть без остатка

сведены к одним только экономическим условиям: наряду с последними, здесь выступают и индивидуальные условия, развившиеся благодаря своеобразию природных способностей и той среды, в которой находилась данная личность. Все только-что перечисленные обстоятельства оказывают влияние, если не на самое направление развития, то все же на его ход и на тот путь, каким в конце концов достигается неизбежный результат. И в этом отношении отдельные личности могут очень много дать своей эпохе. В частности, мыслители достигают более глубокого понимания окружающего, в большей степени, чем масса, освобождаются они от унаследованных традиций—предрассудков; но и их признают лишь те классы, интересы которых лежат в одном направлении с интересами необходимого развития“ (К. Каутский). Мы попробуем потом применить эти требования к Сковороде, но сначала посмотрим, что представляла из себя Украина в ту эпоху, когда там жил и действовал Г. С. Сковорода, чтобы на основании этого решить вопрос, возвысился ли он над этой средой и в какой мере, поставил ли он какие-либо проблемы для своего времени, с какой энергией старался проводить их в жизнь, в какой мере они были жизненны, и в какой мере он сам был продуктом своей среды.

Сковорода родился в конце царствования Петра, который не церемонился с Украиной и ее вольностями, скрепленными Переяславским договором его отца Алексея Михайловича, а равно и последующими гетманскими статьями. Так же круто и самовластно поступал он и со Слободской Украиной. То же делали и преемники Петра, даже женщины на престоле, как, например, Анна Ивановна. Автономия представляла один только призрак. Были годы, когда гетманская власть пресекалась. Единственным просветом в политическом отношении была эпоха Елисаветы, которая, разрешив избрать в гетманы предназначенного ею Кирилла Розумовского, родного брата своего мужа, Алексея Розумовского, некогда Лемешовского пастуха, играла комедию. Но и Кир. Розумовский был новоиспеченным царедворцем на гетманском столе и мало интересовался порученным ему краем. Все ясно сознавали, что гетманство это—каприз Елисаветы, о которой сложено было такое двустишие:

Веселая царица была Елисавет,
Поет и веселится; порядка только нет.

Таким образом, время с 1722 по 1763 год представляло тусклую переходную эпоху в жизни Украины, пережиток старой, козацкой автономии, но с некоторыми еще старыми козацкими традициями. В 1763 году автономия была уничтожена Екатериной, и Сковороде пришлось провести 30 лет своей деятельности в еще более печальное для Украины царствование Екатерины II. Существовавшие раньше, с Богдана Хмельницкого (пол. XVII в.), формы политической жизни в виде автономной гетманщины в составе русского государства и пользовавшейся также политической автономией, хотя и в меньших размерах, Слободской Украины, были Екатериной II уничтожены, и, таким образом, украинское общество с его руководящими классами, козацкою старшиною и рядовым козачеством, жившее политическими интересами в течение более столетия, очутилось вне этих интересов. Наказы старшины и козаков в екатерининскую комиссию для составления проекта нового уложения (1767 г.), правда, свидетельствуют, что козачество и особенно его старшина не примирились с этим политическим актом царского самодержавия и даже первое время проявляли некоторую, хотя слабую, активную оппозицию. Любопытно, что желание о восстановлении гетманщины высказывало даже козацкое население маленьких городков и слобод. Конечно, при гетманщине ему жилось не важно, но и нивеллирующая реформа Екатерины не поставила его в лучшее положение. Во всяком случае, политические интересы в обществе исчезли и уровень общественности в нем естественно понизился. И это совпадало с выступлением Сковороды в качестве преподавателя Прибавочных классов Харьковского Коллегиума, совпало с его знакомством с Харьковским губернатором Щербининым, который уничтожил автономный строй Слободской Украины и превратил ее в Слободскую украинскую губернию обычного русского типа, со всеми недостатками тогдашней губернской администрации и нарождавшейся здесь бюрократии. В такое политическое безвременье действовал Сковорода. Украинское общество находилось тогда в состоянии политической латаргии: оно устало от прежних политических бурь и не находило новых сил для того, чтобы сбросить с себя иго царизма и бюрократии. В козацких старшинах исчез дух былой воинственности, — козачество, как реальная военная сила, было предусмотрено расформировано Екатериной, а вместо него заведены регулярные гусарские полки; реальных сил для вооруженной

борьбы, таким образом, не оказалось, ибо даже было разорено старинное гнездо вольнолюбивой Козаччины, поддерживавшей всякий вооруженный протест — Запорожье; но гораздо важнее политической стороны реформы была социально-экономическая. Козачьим старшинам (их было 602 чел. в Слоб. Украине) были дарованы русские чины и это открыло им путь в ряды российского дворянства, что явилось осуществлением их давнишней мечты, ибо с дворянством была связана не только нобилитация, но и право владеть крепостными крестьянами по образцу великороссийского дворянства, а такого права у них ранее не было. Козаки и их подпомощники (весьма многолюдный класс — 345.000 чел. с семьями) были превращены в войсковых обывателей и обложены подушными окладами, приблизившими их к свободным крестьянам. Основной класс населения (их было 650.000 чел.) — владельческие подданные, пользовавшиеся дотоле правом вольного перехода, были прикреплены к земле и отбывали у владельцев барщину. Из войсковых обывателей выделилось мещанство, а к нему присоединилось и купечество, первоначальное ядро коего составилось из приезжих великороссийских купцов. Экономическим базисом дворянства было его землевладение и эксплуатация труда подданных селян. Земли было много, и она обрабатывалась селянским трудом. Было 148 помещиков и у каждого из них более сотни подданных; выделялись крупные помещики, у коих было более 600 душ подданных — их было 30 чел., — украинцы, русские, чужеземцы. Всю свою энергию, силы и заботы высший дворянский класс обратил теперь почти исключительно на развитие своего материального благополучия — на расширение земельного фонда, увеличение числа подданных и размера их повинностей в пользу помещика.

К тому же материальному благополучию стремилось и купечество, и мещанство, и мелкая буржуазия — городская и сельская. К такому же стяжательству стремились также слободско-украинские монастыри, забывшие заветы нестяжательства, превратившиеся ко времени Сковороды в крупных землевладельцев с большим количеством земель и подданных — Святогорский монастырь имел в конце XVIII ст. 27.000 десятин земли и 2.000 душ подданных; другие меньше, но все же много. Монастыри богатели, скупали земли, монахи жили в роскоши, пьянствовали. Светлым явлением тогдашней жизни нужно признать стремление к образованию, коим проникнуты были все слои общества, вклю-

чая и низшие — козачество и селян; они создали и содержали на свои средства низшие училища, коими усеяна была вся Слободская Украина и в коих преподавателями являлись мандированные дьяки-учителя. И Сковорода учился в одной из таких школ, а впоследствии и сам сделался как бы странствующим народным учителем в возвышенном смысле этого слова. Над такими народными школами стояли средние Коллегиумы; в двух из них — Переяславском и Харьковском, преподавал Сковорода, — а над этими средними училищами возвышалась высшая школа — Киевская Академия, в которой учился Сковорода вместе с другими своими товарищами из светского общества, ибо тогдашние школы имели всесословный характер. Но крупным недостатком всех трех типов тогдашней школы был схоластический характер предметов преподавания и господство в них религиозной стихии и притом исключительно формального характера. Таким господством формы отличалось и тогдашнее религиозное миросозерцание. Представители господствующей православной церкви — священники и монахи свою проповедь сводили на внешнюю сторону христианства — догматику, таинства, обряды, а не на этику, и не могли благотворно влиять на общество примером собственной жизни, в которой ничем не отличались и не возвышались над окружающей средой. Научных интересов в обществе почти не было. Везде царил „телец златой“, а не интересы высшего духовного порядка: науки, литературы, философии, искусства, — им нигде не было места. Этому утверждению не противоречит знакомство отдельных богатых магнатов с произведениями французских философов рационалистов или немецких мистиков или существование оркестров из дворовых людей. Впрочем, все это пришло к нам несколько позже, а при Сковороде у украинского дворянства были только мечты об учреждении в их крае университета, который должен был преследовать главным образом практическую цель — открыть доступ детям козацкой старшины к бюрократическим должностям и дворянству. Заветною мечтою каждого было отделиться от своего народа всею внешнею культурной обстановкой и языком и, главное, своим панством, т. е. шляхетским происхождением, какового в действительности притом и не было, ибо украинское дворянство вышло из рядов козачества. Все слободско-украинское общество, перейдя на мирное положение, потонуло в тине хозяйственных забот, стараясь как бы наверстать потерянное время, когда оно отвлекалось от хозяй-

ственных дел военным ремеслом. Господствующий по численности и по производительному труду класс общества — селяне, в противоположность помещикам лишены возможности пользоваться результатами своего труда, имели мало импульсов к развитию своего хозяйства, его усовершенствованию и под'ему, а с другой стороны, в силу своей подавленности панством, поддерживаемым всем аппаратом самодержавия, оставались в стороне от общей погони за „счастьем“, олицетворяемым богатством. К ним примыкала некоторая часть казенных обывателей из слоя малоземельных (средняков) и безземельных (незаможных); их идеал был не в богатстве и излишестве, а в среднем и скромном существовании и достатке (прожиточном минимуме); заможные же в городах и селах примыкали к мелкой буржуазии, которая служила соединительным звеном между двумя крайними группами. Украина, как и Россия, вступала в эту пору в стадию денежного хозяйства при господстве дворянско-крепостного режима. Классовое самосознание и идеология в дворянстве существовали и нашли себе выражение в наказах украинского дворянства в Екатерининскую комиссию. В селянстве было мало классового самосознания — оно было рассеяно, не организовано в смысле сословном, но оно, конечно, стихийно чувствовало гнет и выступало против него пассивно, убегая, ища воли, в степи Новороссии, и активно мстя помещикам бунтами, поджогами. Менее придавлены были казенные обыватели — потомки бывших козаков, — и ярким примером этого может служить грандиозный бунт козаков с Турбаев б. Миргородского полка (Хорольского уезда Полт. губ.), превращенных помещиками Базилевскими в подданных крестьян. В Турбаях широко было поставлено помещичье хозяйство — скупля и захват грунтов, сельско-хозяйственные заводы, перерабатывавшие сырье, винокурня, солодовня, мельницы с выделкой сукна, велась торговля, практиковалась отдача денег за ростовщические проценты и т. д. В результате в год французской революции (1789 г. 8 июня), когда Турбаевцам был объявлен Сенатский указ о перечислении их из козаков в посполитые, они подняли бунт и убили двух Базилевских (кстати сказать, питомцев Геттингенского университета). Затем началась экспроприация помещичьих земель, во владение коими вступили турбаевцы, — как бы местная аграрная революция. Последовал акт расправы. Все турбаевцы, помимо судебных кар, были выселены из Турбаев. Но это был отдельный эпизод, в общем же и владельческие подданные, и казенные

обыватели — крестьяне, до поры до времени были пассивны и находились — первые в тисках своих панов, а вторые — казны.

Вот что представляла из себя Слободская Украина в эпоху, когда в ней жил и действовал Сковорода. Левобережная Украина, в которой родился Сковорода, находилась тогда приблизительно в таком же состоянии. Сковорода не мог не отразить в себе черт своего века с его безвременьем. На нем отразилось, конечно, влияние указанных выше социальных условий его эпохи и среды — и на его образовании, и на его учительстве, и на его страннической жизни, и на его литературной деятельности — его языке и стиле, — и на его богословско-философских трудах. Но вместе с тем, он выступает перед нами критиком, отрицателем, иногда очень крайним, господствовавших традиций, мыслителем и создателем собственного мирозерцания, своей собственной философии — науки о жизни, явившейся синтезом его личностных воззрений, которые он старался распространить в современном ему обществе, противопоставляя господствующей в нем традиции свой идеал, к осуществлению коего страстно призывал всех.

Сковорода несомненно был одним из самых выдающихся мыслителей Украины XVIII века, представлял из себя в высшей степени своеобразную, оригинальную личность, был, конечно, в значительной мере продуктом своей среды, но значительно вышлся над общим уровнем ее и своей эпохи, страстно боролся с ее идеологией, суевериями и предрассудками, особенно в наиболее косной и традиционной религиозной сфере; это и была главная проблема его жизни: он отверг лично для себя и проповедывал отрицание современного уклада общежития с его погоней за материальными благами, кои добывались за счет труда других и на коих только и строилось представление о человеческом счастье в современном ему крепостническом обществе, с отрицанием простой, трудовой, близкой к природе жизни; и, наконец, в соответствии со своим учением он построил на новых началах и свою собственную жизнь, посвятив ее умственному и нравственному пробуждению всего народа со всеми его классами, включая сюда и низший слой — селянство, из недр коего сам вышел и с которым никогда не порывал связей, не идя тут по проторенному пути огромного большинства своих земляков, для которых образование служило только средством выбиться в паны — светские или духовные безразлично.

Понятно, что идеология Сковороды не удовлетворяет запросам нашей современности; он отдавал дань, как человек своей эпохи, мелко буржуазной стихии, среди коей вращался, но было бы сплошным недоразумением, основанным на незнании и непонимании фактов, считать его представителем классовой буржуазной идеологии его эпохи: этому противоречит и его происхождение (он вышел из среды незаможных малоземельных козаков), и его дальнейшее бездомное пролетарское существование, и непринадлежность к панству, буржуазии и духовенству (он был деклассированным гражданином), и та профессия странствующего народного учителя, которую он сознательно выбрал и нес в течение всей своей жизни до самой смерти, умерши таким же бездомным бедняком, нищим и скитальцем, каким выступил на свое просветительное поприще; наконец, против этого решительно говорит и та огромная, исключительная популярность, любовь и глубокое уважение, которыми он пользовался среди простого народа и при жизни своей и долгое время спустя после своей смерти.

И мы, чувствуя теперь в нашем пролетарском государстве его светлую память, только освежим и укрепим в сознании современного общества, особенно крестьянства Украины, заслуги перед ним философа, вышедшего из среды его, не порвавшего с ним связи и посвятившего ему свою жизнь: дети народа — Шевченко и Сковорода достигли вершины творчества — первый художественного, второй философского, и служат ярким свидетельством того, что трудовая среда, несмотря на самые неблагоприятные условия своего социального, экономического и культурного существования, могла дать уже в прошло таких высоких представителей науки и искусства, как Шевченко и Сковорода в Украине, Ломоносов в России.

В одном из своих произведений — сатирической песне „Всякому городу нрав и права“ — Сковорода выступает перед нами отрицателем всего современного ему бытового уклада жизни. Любопытно, что эта именно песня, носящая морально-философский характер, но доступная всем по своему изложению и сопровождавшаяся его собственной музыкой, с аккомпаниментом бандуры, приобрела такую популярность, что сохранилась в репертуаре народных рапсодов — кобзарей до наших дней.

„Петр, говорится там, для чинов углы панские трет“, т. е. старается выбиться в паны посредством чинов, только что тогда

заведенных на Украине по петровской табели о рангах; выбиться в ряды складывавшейся тогда среди украинского общества бюрократии по российскому образцу было заветною мечтою всякого потомка козацкой старшины, переименованной теперь в гражданские и военные русские чины; способом же продвижения по этой иерархической лестнице была не служба по призванию, склонностям и способностям (чему учил Сковорода), а панская передняя. „Федька купец при аршине все лжет“. В это время на Украине только-что стал складываться специальный купеческий класс преимущественно из среды приезжего великорусского купечества. Слободская Украина вступала на путь развития торгового капитализма с ее ярмарками и постоянною торговлею. „Тот строит дом свой на новый манер“. В это время вытеснялась прежняя простота домашней жизни, и стали увлекаться строительством домов по новой моде, как в городах, так и в помещичьих усадьбах. „Тот все о процентах: пожалуй, поверь“. Кредит, проценты, ростовщичество явились следствием денежного хозяйства и торговли. „Тот непрестанно стягает грунта“. Это непрестанное стягивание грунтов составляет характеристическую особенность той эпохи в связи с ростом помещичьего, дворянского землевладения. „Сей иностранны заводит скота“. Развитие тонкорунного овцеводства в Слободской Украине также составляет характерную особенность помещичьего хозяйства той эпохи; оно повело к развитию шерстяной торговли на местных ярмарках. „Те формируют на ловлю собак“. Псовая охота, как спорт и удовольствие, сделалась также принадлежностью тогдашнего помещичьего крепостного хозяйства. „Сих шумит дом от гостей, как кабак“. Приемы гостей, пьянство, веселая роскошная жизнь сделались теперь принадлежностью панских усадеб на счет пота и труда подданных. „Строит на свой тон приказный права“. Со введением новых обще-русских губернских учреждений, всесильным решителем права сделался приказный, т. е. представитель правящей бюрократии, ведший свою служилую генеалогию от подъячего московских приказов. „С диспут студенту трещит голова“. Намек на те бесконечные диспуты, которые царили в тогдашнем Харьковском Коллегиуме и Киевской Академии, имели своею целью развитие диалектики среди учащихся и вели свое начало от диспутов иезуитских школ; целью их было словопрение для доказательства во что бы то ни стало предвзятых тезисов; и самые тезисы, и доказательства носили схоластический харак-

тер. „Тех беспокоит Венерин Амур, всякому голову мучит свой дур“. Разврат, господствовавший в тогдашней помещичьей среде, поддерживался, конечно, крепостными порядками, дававшими в распоряжение господ женщин вообще и крепостных, в частности. „Тот панегирик сплетает со лжой“. Сатира направлена здесь на панегирическую литературу того времени, где похвала тесно переплеталась с ложью; это была болезнь века, особенно распространенная во всех тогдашних украинских школах, начиная с низших и кончая высшими; прототипом подобных панегириков может служить печатный панегирик Донцам-Захаржевским (роскошная книга с рисунками), составленный по их заказу Орновским, где подвиги их изображены в явно преувеличенном виде; процветал этот род литературы в Харьковском Коллегиуме; отдавал дань этой традиции и сам Сковорода в начале своей литературной деятельности. „Лекарь в подряд ставит мертвых людей“. Указание на злоупотребления врачей, представителей интеллигенции, из-за взяток и в связи с крепостным строем общества, намек на мертвые души при подрядах. „Сей образы жировых (трефовых) четет тузов“. Читит изображение трефовых тузов, т. е. увлекается карточной игрой; это увлечение было всеобщим, но особенно распространено было среди нетрудового населения, у которого было много свободного времени и денег. „Степка бежит, как на свадьбу, в позов“. Страсть к тяжбам составляла характернейшую бытовую черту украинского общества и старого времени (гетманщины), и той эпохи, когда жил Сковорода, и во время старых украинских судов, и при новых обще-русских. Черта эта увековечена в литературных произведениях Квитки и Гоголя. Сковорода подметил тут характернейшую психологическую черту эпохи, что на позывы в суды стремились охотно, как-будто на свадьбу.

Каждая строфа этой песни оканчивается припевом Сковороды, его антитезой, противоположением изображенной им действительности. „А мне одна только в свете дума, А мне одно только нейдет с ума—Как бы умерти мне не без ума“. В конце же, как заключительный синтез и антитезы, говорится:

„Смерте страшна! Замашная косо!
Ты не щадишь ничьих волосов,
Ты не глядишь, где мужик, а где царь—
Все жерешь так, як солону пожар.
Ктож на ее плюет острую сталь?
Тот, чия совесть, как чистый хрусталь“.

Нарисовав все важнейшие явления окружавшей его действительности, Сковорода отменяет ее для себя и противопоставляет ей свой идеал жизни: вся эта погоня за временными житейскими благами и удовольствиями, говорит он, заканчивается смертью, которая не страшна только человеку с хрустально-чистой совестью. Итак, идеал жизни в ее нравственной цели; этика Сковороды и является действительной основой его жизни; ее он ставит универсальной задачей жизни и для всего общества.

3. Жизнь Г. С. Сковороды.

Когда Измайлов в беседе со Л. Н. Толстым завел с ним речь о Сковороде, тот оживился, нежно и радостно прибавил: „Многое из его мировоззрения мне так удивительно близко. Я недавно только что еще раз перечитал его. Мне хочется о нем написать. И я это сделаю. Его биография, может быть, еще лучше его писаний. Но как хороши и писания“. Л. Н. Толстой был прав, на мой взгляд, отдавая предпочтение биографии Сковороды перед его писаниями. Жизнь Сковороды представляет исключительный интерес в том отношении, что она вполне соответствовала требованиям его философского мирозерцания: он жил, как учил, а учил, как жил; такое разительное соответствие слова и дела, такая гармония учения и жизни, преисполненной лишений и самоограничения, представляет редчайшие случаи среди представителей философской мысли всех веков и народов. У Толстого не было такого соответствия мысли и жизни; он ушел от семьи умирать, в то время как Сковорода сознательно выбрал себе странническую жизнь и делал этот подвиг жизни в течение 28 лет до самой смерти; понятно, почему Толстой так высоко ценил биографию Сковороды. Понятно также, что новейший исследователь Сковороды В. Эрн всю свою книгу о Сковороде разделил на две части, посвятив первую, большую, его личности и вторую, меньшую, его философии. Биография Сковороды, составленная В. Эрном, представляет, в противоположность предшествующей биографии Сковороды Г. П. Данилевского, носящей внешний характер, опыт внутреннего проникновения в его жизнь. В. Эрн прекрасно разрешил свою задачу на основе внутреннего жизнеописания Сковороды, составленного его учеником и другом М. И. Ковалинским, и автобиографического материала самого Сковороды, заключающегося в его лирических стихотворениях. Я в

своим неизданным исследованием о Сковороде посвящаю первую самую обширную его главу опыту критической биографии Сковороды и делаю синтез задач, поставленных себе Г. Данилевским и В. Эрном: привлекаю для своего исследования не только всю полноту печатных первоисточников, но и архивный материал, а главное подвергаю его критической оценке. Основную канвою и для меня, как и для моих предшественников—было жизнеописание Сковороды, составленное сейчас же непосредственно после его смерти Ковалинским, представляющее драгоценный первоисточник и заключающее вместе с тем ярко очерченный его духовный облик. Ковалинский был как нельзя лучше подготовлен к своему труду: он был не только слушателем Сковороды по Харьковскому коллегииуму и его любимым учеником, но и его питомцем, которого Сковорода воспитал в духе своего учения, ближайшим другом его в течение нескольких десятков лет, получавшим от него письма и сочинения, а главное запечатлевшим в своем сердце и памяти его устные беседы и философские наставления, которые он вполне разделял. Ковалинский так сроднился с учением Сковороды, что был как бы его двойником по своим воззрениям. Сам Сковорода строго различал внешнюю и внутреннюю жизнь человека: первую он называл „житием“, состоявшим в том, что такой-то (имя рек) тогда-то родился и имел круг таких-то потребностей, а вторую—„жизнью“, т. е. его исканием истины. Такую вторую биографию Сковороды и дал нам Ковалинский.

Жизнь Сковороды распадается на три части: 1) Юность и годы его учения—подготовки к учительству—период *Lehrjahre* до возвращения из-за границы, 2) период официального учительства и 3) период страннической жизни, совпадающий с самостоятельным философским творчеством и попытками распространения его учения в обществе (с 1769 до смерти в 1794 г.). Чрезвычайно важным в социологическом отношении моментом является принадлежность Сковороды к козацкой среде: он родился в селе Чернухах Лохвицкого уезда Полтавской губ. Там в Лохвице должно состояться торжественное чествование его памяти, с постановкою ему памятника; инициатива чествования принадлежит местному населению, создавшему для этой цели комитет при Уисполкоме. И Чернухи действительно были не только родиной Сковороды, но и вообще сыграли крупную роль в его жизни. Мне удалось найти архивный материал, рисующий нам социальный состав населения Чернух в момент,

близкий к проживанию там Сковороды—в 1745 году, когда там значится по козацкому компуту „двор Пелагеи Сковородыхи, сын которой Григорий обретался в певчих“. Там же по компуту проживал ранее и его отец, названный уменьшительным—уничжительноим именем Савки, а не Саввы, вероятно, потому, что он принадлежал к разряду незаможных малоземельных козаков. В одном из своих стихотворений сам Сковорода делает указание на свой маленький грунт. Таким образом, семья Сковороды принадлежала к низшей малоземельной группе козачества. Этим отчасти можно обяснить себе и то обстоятельство, что брат Григория Саввича—Степан, в 1738 г. уехал в Петербург, чтобы искать себе счастья в столице, где проживали тогда его родственники Полтавцевы; быть может и отезд самого Григория Саввича в Киев также стоит в некоторой связи с малоземельем и скудными недостатками его семьи, особенно после того, как его мать овдовела. И когда Григорий Саввич завернул после своего заграничного путешествия в Чернухи, он там уже не застал никого из близких родичей в живых и ему повидимому не на чем было даже вести хозяйство. Это во всяком случае также могло поспособствовать выбору им страннического образа жизни. И если мы будем называть его деклассированным гражданином, то выход его из своего класса мог находиться в связи во всяком случае не с его стремлением выбиться в паны и приобрести богатство, а с его материальной нуждой, которая выбивала из социальной среды массы козацкого и селянского пролетариата и заставляла их бросать родные пепелища.)

Сохранились в указанных архивных материалах сведения о социальном составе населения Чернух, и они чрезвычайно любопытны для характеристики той среды, из которой вышел будущий философ и под впечатлением которой он выросал в Чернухах. Население Чернух (сотенного местечка Лубенского полка) делилось в нисходящем порядке по своему земельному обеспечению на следующие группы: 1) многоземельных, т. е. многоземельных, 2) средних, 3) малоземельных могучих, т. е. малоземельных, но более зажиточных, 4) малоземельных не могучих, т. е. незажиточных, 5) тяглых—убогих, 6) пеших—нищетных. Наиболее многочисленными по своему составу были последние группы. За козаками шли козацьи подпомощники и подсосудки; последние не имели собственных хат. Сверх козацкого населения было только несколько хат, принадлежавших посторонним лицам и

духовенству; среди них был и придворный камер-фурьер Полтавцев. Принадлежность Г. С. Сковороды к козацкому сословию гарантировала ему во всяком случае личную свободу и дала ему психологию свободного человека; у него не было такой ненависти к панству, как у крипака Шевченко. Это имело важные последствия для него и в деле его образования. В козацкой среде было большое стремление дать образование своим детям. Козачество создало огромное количество школ, сеть которых покрыта была тогда вся Украина—и Левобережная и Слободская. В такой школе у дьяка учителя в Чернухах получил образование и Сковорода; это образование носило по условиям времени церковный характер; видную роль играло в нем церковное пение. Мальчик Сковорода обладал прекрасным голосом и пел в церковном хоре. Уже в отцовской хате под ее соломенной крышей, под влиянием местной украинской природы, которую он страстно любил, под влиянием украинского народного быта складывался духовный облик Сковороды. Тогдашняя начальная школа с ее украинским разговорным языком, с ее мандрованным учителем дьячком, хранившим народные обычаи, с ее поэзией, рождественскими и пасхальными виршами, с развлечениями на лоне природы, не оторвала мальчика, как это делала более поздняя русско-правительственная школа XIX века, ни от природы, ни от жизни народа. И он сам впоследствии не без влияния школьной традиции, по которой лучшие ученики делались помощниками в преподавании своих учителей, а потом, по средневековому пережитку, странствующими учителями, избрал себе на театре жизни роль мандрованного народного учителя. Правдоподобно, что и сам он был помощником своего учителя, ибо оставался в Чернухах до 16-летнего возраста. Не осталась без влияния на всю его последующую жизнь и близость к сельской природе; и он не раз воспевал в своих песнях эту деревенскую природу и жизнь. „Не пойду в город богатый. Я буду на полях жить. О дубрава, о зелена, о мати моя родна. В тебе жизнь увеселена, в тебе покой, тишина“, писал он в одном своем стихотворении, навеянном сельской природой. „Ах, поля, поля зелены, поля, цветами испещрены, ах, долины, яры, круглы могилы, бугры“, пел он в другом. Известно, что Сковорода играл на сопільці, т. е. пастушьей свирели. Нужно думать, что это искусство он усвоил также в качестве пастушка. В 3-й песне он видно дает о себе такую автобиографическую подробность

Только солнце выникает,
 Пастух овцы выгоняет,
 И на свою свирель
 Выдает дрожливый трель.
 Пропадайте думы трудны
 Города премноголюдны.
 А я с хлеба куском
 Умру на месте таком.

У себя в Чернухах Сковорода с его музыкальными способностями очевидно усвоил не только духовное, но и светское пение и музыку—народные украинские песни и мелодии. Сопілка выработала у него потребность выучиться игре и на других более совершенных инструментах. По некоторым данным, еще в отцовском доме он начал сочинять мотивы к песням как церковным, так и народным. В родной чернусской школе он получил потребность в расширении своего образования. Нам неизвестно в точности, при каких обстоятельствах он отправился из Чернух в Киев для поступления в тамошнюю Академию. Но Ковалинский говорит, что отдали его в Академию по его охоте, т. е. собственному желанию. Этому способствовало однако то, что он был подготовлен своей чернусской школой для поступления в низший класс академии и к тому же обладал прекрасным голосом, знанием нотного пения и музыкальностью. Киевская Академия заключала тогда в себе не только высшую, но и среднюю школу, и нормальное обучение в ней продолжалось 10 лет. Поступил он в первый класс (фару или аналогию), по предположению акад. Петрова, основанному впрочем на документах, в 1738 году, т. е. 16 лет от роду. Он прошел 4 низшие (фару, инфиму, грамматику и синтаксис) класса Академии, а затем после перерыва еще пробыл 6 лет в высших классах (пиитики, риторики, философии и богословия), всего 10 лет, но богословского класса не захотел окончить и потому подписывался впоследствии: студент Сковорода.

Что вынес Г. С. Сковорода из Академии? Это был уже вполне сознательный период его жизни (от 16 до 29 лет), когда складываются школьные образовательные влияния. В Академии преподавались между прочим и те науки, в области которых впоследствии работал самостоятельно Сковорода: латинский, греческий, древне-еврейский, немецкий; на латинском языке велось даже преподавание некоторых предметов, и Сковорода, очевидно, уже в Академии усвоил эти языки и памятники письменности на

них. Преподавалась и история. Реформатором Академии в духе возрождения классицизма явился в Академии известный Феофан Прокопович, пропагандировавший Эразма Роттердамского. Его преемником был также выдающийся духовный писатель Георгий Конисский. Г. С. Сковорода по науке был духовным сыном Георгия Конисского, у которого он слушал курс пиитики и философии (в том числе и этики). Следуя примеру Георгия Конисского, составившего пьесу с украинскими интерлюдиями, Сковорода также написал аналогичную трагедо-комедию. Философские положения Конисский основывал на патристике. Другим преподавателем философии и богословия был Козачинский, путешествовавший за границей. Сковорода пошел в философии своим собственным путем, в духе, противоположном академическому. Преподаватели Академии соединяли науку с литературными опытами. Эту манеру вынес из Академии и Г. С. Сковорода. Не желая вступать в духовное звание, Сковорода не закончил богословского класса, а отправился за границу. В перерыве между двумя пребываниями в Академии, Сковорода, как обладатель красивого голоса, был вызван в Петербург в придворную капеллу Елисаветы, где провел три года и по собственному желанию уволился из капеллы, для того, чтобы закончить научное образование в Академии. Певчим жилось хорошо: их хорошо одевали, кормили, платили жалованье и выдавали иногда по 5 ведер вина. Но, очевидно, Сковороде не увлек Петербург, где царили Розумовские, и капелла, где делали себе карьеру его земляки. Сковорода увлекался в Петербурге не пирушками, а пением и музыкой, вступив на путь композиторства и церковной музыки и пения.

В 1750 году начинается новый и чрезвычайно важный период в жизни Сковороды—пребывание его за границей. Круг наук, усвоенных им в Академии, показался ему недостаточным, и он воспользовался первым представившимся ему случаем, чтобы отправиться с ген. Вишневым, в качестве причетника церкви при нашей миссии в Венгрии, за границу. Вишневыкий взял его с собой как знатока музыки, пения и языков. Из Венгрии он ездил с Вишневым в Вену, Офен, Пресбург и проч. окрестные местности, где особенно старался знакомиться, как говорит Ковалинский, с людьми, славившимися тогда своими знаниями и ученостью, свободно и чисто говорил по-латыни и по-немецки, достаточно понимал и по-гречески, благодаря чему и добился

знакомства и приязни ученых, а вместе с этим и усвоил и новые познания, которые он не мог приобрести в своем отечестве. Гесде Кальве передает о странствиях Сковороды и по Германии, и по Польше, и даже по Италии, но об этом молчат все другие источники и сам Сковорода. Правдоподобнее другое сообщение одного из биографов Сковороды, к сожалению, без ссылки на источник, что он слушал лекции знаменитых германских, т. е. немецких тогдашних профессоров. Здесь нет ничего невероятного. В Германии в то время царила философия Вольфа (ум. в 1754 г.), объединившая в себе и предшествующую ей философию Лейбница и Аристотеля, господствовавшего в школах. Вольф был профессором в Марбурге и Галле и писал свои сочинения на латинском и немецком языках, вполне доступных Сковороде. Целью его практической философии, получившей широкое распространение, было сделать счастливыми людей и добиться ясного, отчетливого познания (его метафизика, куда входило и естественное богословие с учением о Боге). Учение о счастье Сковороды сильно напоминает этическое учение Вольфа. Для счастья необходимо делать то, что совершенствует человека и его ближних. Совершенствованию человека служит все, что согласно с его природой—здесь старый принцип стоиков, усвоенный и Сковородой. Сочинения Вольфа выходили в 30—50-х годах XVIII века; одно из них было переведено на русский язык в 1765 году. Что касается французской философии, то следует упомянуть Ж. Ж. Руссо, сочинение коего „Эмиль—или о воспитании“ вышло в 1762 году в оригинале. Сковорода был также современником Вольтера; но, повидимому, он не был связан ни с ним, ни с скептической французской философией XVIII века. Представляет интерес заочное знакомство Сковороды с швейцарским ученым Дан. Мейнгардом при посредстве М. Ковалинского. Ковалинский за границей познакомился в Лозанне с Дан. Мейнгардом и они подружились, причем связующим звеном для них был наш Харьковский пустынножитель Сковорода. Дан. Мейнгард оказался похожим на Сковороду чертами лица, свойствами своими и образом мыслей. Узы дружбы, связавшие Ковалинского и Мейнгарда, перешли и на Сковороду. Получилась своеобразная тройственная филия, ибо и Сковорода заочно полюбил своего швейцарского двойника, как и тот почувствовал к нему симпатию на основании рассказов Ковалинского. Интересно и поучительно во всяком случае сходство образа мыслей нашего украинского

философа, проживавшего на пасеках и владевшего несколькими книгами, которые служили ему пособиями в его работах, со швейцарцем Мейнгардом, владевшим всеми средствами западноевропейского образования и обширную библиотекою.

Мы говорим здесь не о влиянии этих философов на Сковороду, и ставим только вопрос, какие течения философской мысли были в Западной Европе тогда, когда там проживал Сковорода, и с какими он мог там познакомиться. Важно было то, что за границей Сковорода непосредственно из книг—первоисточников усвоил себе те философские и богословские знания и идеи, которые в Академии проходили через призму его учителей монахов. Весьма правдоподобно, что в Германии он познакомился с сочинениями протестантских богословов и учением теософов и философов природы, как Дж. Бруно, близко, как и Сковорода, стоявший к Платону и стоикам, и, наконец, с философией мистиков, как Як. Беме. Обращаясь вообще к первоисточникам, Сковорода должен был положить в основу своих богословских изысканий, как это делали протестанты, Библию, которая впоследствии сделалась основною книгою его познаний. За границей Сковорода пробыл около 2-х с пол. лет и в 1753 г. вернулся на Украину, преисполненный познаний. Не будем останавливаться на общеизвестных фактах его жизни. Достаточно будет указать, что он был учителем в Переяславском коллегиуме, дважды жил в качестве учителя-наставника в семье полтавского помещика Тамары, был преподавателем в прибавочных классах Харьковского Коллегиума и казенного училища. Это была уже самостоятельная пора его просветительной практической педагогической деятельности, сменившей прежние его Lehrjahre, и через всю эту деятельность его проходит красной нитью одна основная черта—его разрыв со старыми методами обучения и воспитания, его новаторство в этой сфере. У Сковороды было несомненно призвание к педагогической деятельности—это была, по его собственному выражению, его статья. В Переяславском Коллегиуме он преподавал поэзию, но имея более обширные и основательные познания, чем те, каковые были у учителей тогдашних провинциальных училищ, он составил руководство по своему предмету по новым правилам. Епископ увидел в этом подрывание старинных основ и потребовал вести преподавание в старом духе. Сковорода, сознавая, что его система пиитики была новой, соответствующей науке, и в то же время более понятной ученикам, отказался исполнить тре-

бование епископа. Тогда тот положил резолюцию: „не живяше посреди дому моего творяй гордыню“. Сковорода был изгнан со службы, и это, прибавляет Ковалинский, был первый опыт твердости его духа. Проф. Снегирев сообщает, что Сковорода положил в основу своей поэтики труды Тредьяковского и Ломоносова, а епископ давал предпочтение силлабическим стихотворениям Сим. Полоцкого (XVII в.) перед ямбами Ломоносова. У помещика Тамары он воспитывал его сына также в новом собственном своем духе—начал „возделывать сердце своего питомца“ и, считаясь с его природными склонностями, помогал только природе в развитии их. И воспитанник привязался к нему на всю свою жизнь. 4 года провел Сковорода вторично у Тамары в деревне Каврае и воспользовался этим временем в двух направлениях: 1) в это время, при внутреннем сильном борении духа, у него созрело решение о выборе для себя жизненного пути бездомного мандрианного странника, которое он через некоторое время и осуществил, 2) здесь он написал значительную часть своего литературного сборника „Сада божественных песен“, в котором ярко отразилась его душевная борьба. По словам Ковалинского, в Каврае уже он предался любомудрию, т. е. исканию истины. В свободные часы он удалялся в поля, рощи, сады для размышления. Отказавшись после напряженной внутренней борьбы от выбора для себя одной из обычных должностей, какую он имел возможность занять по своим способностям, Сковорода избрал для себя путь воздержания, самоограничения, целомудрия, смирения, трудолюбия, терпения, благодушия, простоты нравов, чистосердечия; он почувствовал потребность в освобождении себя от суетных житейских пристрастий, в убогом, но беспечном состоянии. Он отверг все обычные пути жизни и, по счастливому выражению Вл. Эрн, „решился стал творцом своей жизни, положить в основу своего внешнего самоопределения самоопределение внутреннее“. Об этом свидетельствует приводимый Ковалинским отрывок из собственноручных записок Сковороды в Каврае у Тамар, имеющий форму записки его сна. В действительности это, конечно, его размышление, облеченное в фантастическую форму сновидения. Перед мысленным взором Сковороды предстали все основные виды людских состояний („статей“). Сначала ему представились царские чертоги с музыкой и пляской, где влюбленные то пели, то смотрелись в зеркала, то бегали из покоя в покой, снимали маски, садились на богатые постели и пр. „Отту-

да, говорит Сковорода, невидимая сила повела меня к простому народу, где делалось то же самое в иных, более простых формах; пьяные люди шли по улицам со склянками, наполненными хлебным вином, шумя, веселясь, шатаясь; соответственно с этим у них происходили любовные дела“. Отсюда он попал на постоянный двор, где видел сено у лошадей, упряжь, слышал споры о расплате. Наконец, та же сила привела его в обширный прекрасный храм, где он сам будто бы участвовал в литургии. Однако и это священное место было осквернено человеческими пороками: сребролюбие коснулось священника, до алтаря доходил запах от мясных обедов из соседних помещений. Тут же Сковороде представилось такое страшное отвратительное зрелище: т. к. некоторым не хватало птичьего и звериного мяса, то они стали поджаривать на огне и есть мясо и жир убитого человека, одетого в черную ризу, обутого в убогие сандалии. Сковорода отвратил от этого ужасного зрелища свои очи. Этот сон, замечает В. Эрн, необычайно характерен; это не просто сон, это смысл всего борения Сковороды; он отвратил очи от всего содержания жизни, он вышел из всех обычных условий существования. Он отверг всякое готовое содержание жизни (а не только мысли, как Декарт) и, усумнившись во всех путях, решил прежде всего остаться с самим собою, овладеть своим „я“ и создать себе такую жизнь, которая бы всецело, во всех частях своих вытекала (т. е. логически следовала) из чистой идеи его внутреннего существа. Потомсообразно с этим он нашел себе и внешнее место в театре света. Происходившая в нем душевная борьба вылилась в целом ряде стихотворений, из коих некоторые датированы Кавраем. В одних его виршах звучит как бы мировая тоска, пессимизм:

Ах, ты, тоска проклята! О докучлива печаль,
Грызеш меня, измлада, как моль платья, как ржа сталь.
Ах ты скука! Ах ты мука! Люта мука.

Или вот другое признание:

Проживи хоть триста лет,
Проживи хоть целый свет,
Что тебе то помогает,
Если сердце внутрь рыдает.

Здесь Сковорода как бы предвосхищает пессимизм начала XIX ст.

Но и тут в конце примирение: „пройшли облака, радостна дуга сияет. Прошла вся тоска. Свет нам блистает“.

В других он находит себе счастье в сельском покое:

Но что же мне замышляти,
Что в селе родила мати?
Нехай у тех мозок рвется,
Кто высоко в гору дмется.
А я буду себе тихо
Коротати милый век—
Так минет меня все лихо,
Щастлив буду человек!

В третьем стихотворении он поет:

Весна люба, ах пришла!
Зима люта, ах прошла!
Уже сады расцвели
И соловьев навели.
Ах, ты, печаль, прочь отсель,
Не безобразь красных сел.
Бежи себе в болота,
В подземные ворота.
Душа моя процвела
И радостей навела.

И все это завершается таким синтезом:

„Оставь, о дух мой, вскоре все земные места,
Взойди, дух мой, на горы, где правда живет свята,
Где покой, тишина от вечных царствует лет,
Где блещет та сторона, в коей неприступный свет“.

Это искание правды, как основы истинной жизни, напоминает нам жажду правды в народной песне о правде.

В 1759 году Сковорода переселился в Слободскую Украину— Харьковщину, принял должность учителя поэзии в Харьковском Коллегиуме и стал вести простой образ жизни: одевался просто, в крестьянский костюм, не ел мяса и рыбы, употреблял мало пищи один раз в день (вечером), спал 4 часа в сутки, вставал до зари и ходил на прогулки за город и в сады; был всегда при этом бодр, весел, подвижен, целомудрен, всегда довольно словоохотлив, где не принуждали говорить, из всего выводил нравоучение, одинаково относился к людям всех состояний, посещал больных, утешал печальных, раздавал последнее неимущим, выбирал и любил друзей по сердцу их, был набожен, но без суеверия, имел ученость без кичливости, обхождение без лести. Так характеризует его жизнь за этот период Ковалинский. Очевидно, тут он осуществлял избранный им путь жизни. (Харьковский Коллегиум был в то время, до открытия в Харькове уни-

верситета, просветительным центром Слободской Украины, возвышаясь над другими аналогичными училищами; в нем преподавались и светские науки и училось не мало детей дворянских, козачьих и мещанских. Сковороду убеждали принять монашество, но он возревновал по истине и бросил свое крылатое слово: „ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте“. Он было оставил преподавание в Коллегиуме, но потом снова вступил в него, чтобы руководить образованием и воспитанием в своем духе ученика Коллегиума М. Ковалинского, своего будущего друга и биографа, к которому он воспылал философским эросом. Этот патетизм дружбы Сковороды к Ковалинскому напоминает любовь целомудренного гения Микель Анджело к своим ученикам. Эта дружба нашла себе яркое выражение в изданной мною их переписке (Сковорода писал Ковалинскому почти ежедневно). „Дружба, писал Сковорода Ковалинскому, единственное сокровище и единственная утеха. Ничего нет для меня сладостнее и дороже, чем забота о тебе и тебе подобных. Презираю Крезов, не завидую Юлиам, пренебрегаю Демосфеном, жалею богатых. Я же буду не только счастливым, но блаженнейшим, если у меня будут друзья“. Сковорода просвещал не только ум своего ученика, но и его сердце в духе своей христианской философии. Педагогика была, очевидно, призванием Сковороды и он еще раз вступил учителем в казенное училище, чтобы преподавать там этику молодым питомцам светского звания. Здесь он выступил с пылким словом обличения против преподавателей монахов: „весь мир спит... спит, глубоко протянувшись. А наставники, пасущие Израиля, не только не пробуждают, но еще поглаживают: спи, не бойся, место хорошее, чего опасаться“. Такова была его вступительная лекция. А когда стало известно содержание прочитанного им курса христианского добронравия, построенного не на догматическом церковном учении, а на философском понимании десятилетия—наставники заволновались, и Сковорода должен был оставить школу. И это был поворотный пункт в его жизни: настал новый самый ценный ее период, когда он взял в руки страннический посох и сделался странствующим мандрованным народным философом до самой смерти в 1794 году; этот период продолжался с 1769 г. до 1794 г., т. е. 25 лет. „Мысли, говорил Сковорода, не видны, как-будто их нет, но от этой искры весь пожар и мятеж, от этого зерна зависит все древо жизни“. Уже рождение мысли, говорит Эрн,—внутренний под-

виг. Но Сковорода отважился на подвиг, много раз больший: отвергнув все проторенные пути жизни, уже не вернулся на них, а творчески, с подлинной оригинальностью проложил совершенно новую дорогу. Его уход гораздо значительнее ухода Толстого, ибо он ушел жить и учить, а Толстой ушел от семьи умереть. Он ушел навстречу суровой, исполненной лишений жизни, отвергнув собственность, имущество, деньги, свой кров. Его пустынножительство не было пустынножительством монахов аскетов; оно не было, как то, оторвано для жизни и людских интересов, а наоборот—было действенной напряженнейшей работой разума для отыскания новых философских проблем на счастье человечества. Этим исканиям новых путей жизни и уже не для себя самого только, а для всех, и посвящены его многочисленные философско-богословские трактаты, литературные произведения (стихотворения, басни), письма и, наконец, устные беседы и наставления, обращенные ко всем классам тогдашнего украинского общества, ибо его странническая жизнь, его широкая популярность, поддерживавшаяся кроме его учения и оригинальной личностью его, вводила его в общение с массой народа. Он нигде долго не засиживался на одном месте, но переходил из одного места в другое, проходя при этом пешком сотни верст в пределах Слободской Украины, везде будучи желанным гостем у тех, у кого он останавливался, кого он любил и которые гордились его посещениями. Но было не мало и таких, особенно среди духовенства, которые преследовали его клеветой за его проповедь, разрушающую религию и устой общества, обвиняя его в манихействе и вегетарианстве, развращении нравов. Против них он боролся своим единственным оружием—живым, огненным, обличительным словом. Проживая у помещиков, он избирал себе не палаты их, а пасеки, обходился без всяких услуг. Все его имущество составляло несколько книг, в том числе Библия на еврейском языке. Занимался образованием и воспитанием детей; старался нравственно воздействовать на взрослых, исходя из мысли, что образованные классы, дворянство и духовенство, должны вести борьбу с религиозными суевериями и предрассудками. Сковорода проживал иногда и у таких лиц, которые не подходили к нему, но делал это не любя их пороков, и для того, чтобы ввести их примером своей жизни в самопознание, в любовь к истине, отвращение от зла. Обычно же выбирал себе жительство или по местоположению или по людям с Минервою, т. е. с

разумом. Он резко принципиально отмежевывал себя от образа жизни и нравов панов-помещиков, создавал даже в их поместьях как бы иммунитет для себя. Сам Сковорода охарактеризовал свое времяпрепровождение так: „не орю убо, не сею, ни куплю дею, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль“—так он писал Ковалинскому, который по этому поводу замечает: „можно было жизнь Сковороды назвать жизнью“. Харьков Сковорода очень любил и часто посещал его: здесь у него был кружок друзей, почитавших глубоко его личность, его нравственные наставления. Он любил и всю Слободскую Украину, которую он исходил вдоль и поперек. Незадолго до смерти он навещал своего друга Ковалинского, который проживал тогда у себя в селе Хотерове в Орловской губернии. Это была последняя встреча друзей. Умер он в селении Пан-Ивановке Харьковской губернии и уезда, завещав похоронить себя на высоком месте у рощи. Смерти он не боялся и сам выкопал для себя могилу.

На основании целого ряда данных, я в своей монографии о Сковороде пришел к заключению, что он отверг сделанное ему предложение об исповеди и причащении—их он признавал для себя не нужными в силу своего взгляда на смерть, как на освобождение от тленного и на возвращение к началу вечности. На могиле не было и теперь нет креста, а есть только надгробная мраморная плита, на которой начертано его имя и эпитафия его самого, гласящая: „Мир меня ловил, но не поймал“. Это смысл его жизни, ее альфа и омега в его собственном определении; а внутреннее содержание ее частью было раскрыто мною, а частью раскрывается из его сочинений; во всяком случае это не было отрешение от жизни; это было создание для себя особого жизненного пути.

4. Философия Сковороды.

Итак, Сковорода и в пустынножительстве последнего периода своей жизни не только не отошел от жизни, а наоборот, был ее активным культурным деятелем. С одной стороны, в качестве мыслителя философа он занимается творчеством в области культуры, т. е. созданием новых духовных ценностей, с другой—и одновременно с этим—он является проводником своих идей в обществе, т. е. передает их другим и этим влияет на общественную жизнь. Мы сделаем тут характеристику научно-

литературного творчества Сковороды. Все сочинения Сковороды делятся на три отдела: 1) философско-богословские трактаты—оригинальные и переводные, 2) литературные труды—стихотворения, песни, басни, и 3) его письма. Сковорода сам дал перечень своих трудов, но он оказывается не полным.*) Он называет 17 сочинений: 1) (Наркис) о самопознании, 2) Асхань (о самопознании), 3—4) две симфонии, 5) Неграмотный Марко, 6) Алфавит мира, 7) Разговор—кольцо, 8) Древний мир, 9) Жена Лотова, 10) Брань Михаила с Сатаной, 11) Израильский змий, 12—13) Две беседы—Сион, 14) Беседа—двое, 15) Диалог—душа и дух, 16) Благодарный Эродий, 17) О христианском благонравии. Из них важнейшие философского содержания—первое, второе, шестое, седьмое и восьмое, богословского—девятое, одиннадцатое, семнадцатое и Потоп Змиин. Время написания этих сочинений определено: они были составлены конца 60-х до конца 80-х годов, т. е. в период его странничества и пустынножительства и только сборник стихотворений („Сад“) да „Христианское добронравие“ были сложены ранее. Сковорода долго готовился к своей научной работе и ушел в свои пустыни для того, чтобы там работать. В эволюции научного творчества Сковороды различаются три момента: самый ранний, посвященный им разработке его внутреннего самопознания; второй—это его диалоги о душевном мире, написанные для других, для пропаганды уже сложившегося собственного самопознания; третий—богословские трактаты, посвященные разрешению проблемы Библии. Это вместе с тем и наиболее глубокие философско-умозрительные произведения Сковороды. И все эти три момента органически связаны друг с другом, и философия Сковороды является цельной, единой в своей основе, ибо свои основные положения Сковорода высказывал во всех трудах не только в философско-богословских, но и литературных и даже в письмах. Эволюция взглядов Сковороды однако существует и выражается по-моему в их углублении, во все большем и большем освобождении их от господствовавшей традиции, особенно в области религиозной; до пустынножительства ум его еще находится во власти веры и откровения; в богословских трактатах—это смелый отреченный философ-богослов, иересиарх, критика которого напоминает критику европейских скептиков XVIII века. Пустынничество создало для

*) Нет притчи „Убогий жаворонок“, нет трактата „Потоп Змиин“, нет „Сада божественных песен“.

Сковороды оригинальные условия его научно-философской работы. Вот что говорит Ковалинский об этих условиях в начале его деятельности: Сковорода удалился в глубокое уединение в Гужвинское, принадлежавшее Земборским, которых он любил за их добродушие. Он поселился в угрюмом лесу, в середине которого находилась пасека с одною хижиною. Там он, предавшись на свободе размышлениям, и написал свою первую книгу о самопознании. Ученым кабинетом ему служила хижина; тишина этого уголка нарушалась только гудением пчел и звуками его флейты; вся его библиотека состояла из Библии и нескольких любимых классических авторов—философов. В наших руках имеется та самая подлинная рукопись его первенца (Наркиса), над которой он трудился на пасеке у Земборских: это несколько тетрадок, писанных на грубой, разношерстной и синеватой бумаге. И это была его обычная любимая обстановка. Писал он, по собственному признанию, обычно летом: в одном письме он говорит, что приближается зима, когда придется уже не писать, а руки греть. Эта обстановка объясняет нам и основной характер философских трактатов Сковороды—их оригинальность, самостоятельность: в основу их были положены не столько научные источники и пособия, сколько его собственные размышления. Впрочем, основной его первоисточник—Библия—был всегда с ним.

Но Сковорода пользовался, конечно, и сочинениями других авторов в качестве научных первоисточников и пособий. Ковалинский дает список его любимых авторов; следы знакомства его с научной литературой мы находим и в его сочинениях, хотя цитат, за исключением весьма многочисленных из Библии, он никогда не приводил, делал только упоминания, а иногда и извлечения. Многое из этой литературы отложилось в его памяти за период его *Lehrjahre*, могли сохраниться и выписки. Мог он пользоваться необходимыми ему книгами из книжных хранилищ г. Харькова (при Коллегиуме была богатая библиотека, в состав которой входила ценная коллекция старо-печатных книг, пожертвованная туда знаменитым Стефаном Яворским), дворян-помещиков, у коих он проживал, городской интеллигенции и, наконец, монастырей, где также были книжные коллекции, его туда привлекавшие. Сковорода не только писал, но и дополнял и перерабатывал свои сочинения, посвящая и пересылая их обычно своим друзьям, и притом не только списки, но и оригиналы. Не имея великого авторского утешения видеть свои труды в печати,

отчасти по техническим условиям того времени (тогда даже в Харькове не было типографии), отчасти—и главным образом—по цензурным. Сковорода все же сам заботился об их распространении в обществе, и это доказывает, что он был не замкнутый в себе мыслитель, а живой член общества, желавший внушить ему свое мировоззрение, его перевоспитать.)

Был ли Сковорода философом и как понимал он философию? Философия, по определению Сковороды,—главная цель человеческой жизни, ибо глава дел человеческих есть дух его—мысли, сердце; философия стремится дать жизнь нашему духу, благородство сердцу, светлость мыслям, как главе всего. Библия также учила, как облагородить человеческое сердце. Тут у него совпадение философии и религии, но эта последняя у него не базировалась на откровении. Он называл свою философию христианской, но в ней было мало христианско-религиозного. Будучи религиозным мыслителем, Сковорода не переставал быть философом, ибо целью своей жизни ставил только разыскание истины. „Изясняет, говорит он, боговидец Платон: нет сладчайшей истины. А нам можно сказать, что в одной истине живет истинная сладость и что она одна животворит владеющее телом сердце наше. Жизнь живет тогда, когда мысль наша, любя истину, любит выслеживать тропинки ее, и, встретив ее, торжествует и веселится этим незаходимым светом“. Учение Сковороды, как видим, является не материалистическим, а идеалистическим; идеализм был ступенью, которую проходила западно-европейская философия в XVIII столетии и дань этому господствовавшему тогда направлению отдала в своей первой попытке философствования и украинская мысль. Один из исследователей считает Сковороду философом без системы, но это неверно. У него есть система, хотя очень простая и элементарная. Умозрительная философия Сковороды такова. Есть два начала—видимое и невидимое, тленное и вечное, вещественное и духовное. Этими двумя началами проникнуто все во вселенной. Таким образом, Сковорода является как бы дуалистом, но этим двум началам он придает далеко не одинаковое значение: первому субстанциальное, второму атрибутивное, сопутствующее. И таким образом, он является в сущности монистом. Этими двумя началами проникнуты все три мира—большой обительный, или космос, состоящий из многих других (не только земля, но и другие планеты, на коих могут быть обитатели); малый, или микрокосм, т. е. человек и символический

мир, или Библия. В великом и малом мире, по его учению, вещественный вид дает знать об утаенной под ним форме или вечном образе; так же точно и в символическом мире, или Библии, собрание тварей составляет материю (здесь, как мы видим, материя не отрицается), но над нею стоит начало вечности—это есть образ или форма. Таким образом, во вселенной собственно два мира—невидимый и видимый, как яблоня и ее тень: она стоит неподвижно, а тень ее то увеличивается, то уменьшается, то родится, то умирает. Так в природе, так в человеке. В нем также два начала: ветхое и новое, временное и вечное, они совмещаются друг с другом, как тень с деревом, но в тленном отражается не тленное. В Библии под буквальным ее смыслом (материей) таится высший духовный ее смысл (начало вечности, или бог).

Но что же Сковорода ставил в центре всей мировой жизни—микрокосма и макрокосма? Не бога, не природу, а человека; в этом, по выражению Эрна, его глубокий и бесстрашный антропологизм. Для Сковороды ключ ко всем разгадкам жизни, как космической, так и божественной, есть человек, потому что все вопросы и тайны мира сосредоточены в человеке: вселенная и бог не вне человека, а в нем самом, человек открывает, создает в себе бога: разгадав себя до конца путем самопознания, всякий человек, независимо от его веры и даже вне христианской веры, может открыть в себе самом начало вечности, т. е. бога. „Я верю и знаю, говорил Сковорода Ковалинскому, что все то, что существует в великом мире, существует и в малом“. В основе познания лежит самопознание. Истинный человек и бог, говорил Сковорода, есть одно и то же. В одном случае языческого философа Эпикура за его самопознание он называет Христом; конечно, это с точки зрения христианской религии кощунственное сравнение, но здесь Сковорода остается последовательным, считая самопознание, а следовательно и богопознание возможным для всех людей без исключения, а не только христиан; наоборот, христианство само по себе, как внешняя религия, отнюдь еще, по его взгляду, не приводит к спасению, поскольку оно не сопряжено с самопознанием. Не отрицая никаких наук (я наук не хвалю и самое последнее ремесло хвалю, говорил он), единою верховною, для всех нужною, универсальною наукою он признавал ту, которая касается антропологизма, т. е. самопознания человека—философию, ибо без нее невозможно необходимейшее для всех, т. е. всеобщее благо—счастье. Сковорода придавал огром-

ное значение этому самоуглублению или, иначе, человеческой мысли, с ее вечным движением; к ней он сводил сущность жизни: „огонь угаснет, река остановится, говорит он, а невещественная и бесстихийная мысль, носящая на себе грубую брэнность, как ризу мертвую, движения своего прекратить (хоть она в теле, хоть она вне тела) никак не сродна ни на одно мгновение и продолжает равномолнийное своего летанья стремление через неограниченные вечности, миллионы бесконечные. За чем же она стремится? Ищет своей сладости и покоя. Покой ее не в том, чтобы остановиться и протянуться, как мертвое тело—живой ее натуре это не сродно и чуждо, но противное этому: она возносится к бесконечному своему и безначальному началу“.

Учение о человеке тесно связано у Сковороды с учением о мире. Человек заключает в себе и мир—вселенную, и бога. Путь познаний их идет через человека. Ту универсальную двойственность, какую Сковорода видел в человеке, он усматривал и в макрокосме—великом мире, Вселенной. Весь мир состоит из двух натур—видимой и невидимой. Видимая природа не ограничена ни во времени, ни в пространстве. (Подобно Дж. Бруно, Сковорода говорит о бесчисленных и притом возможно даже заселенных планетах.)

Другим вечным началом в природе является господственная натура, или бог. Он все вещество пронизывает. Он один, он везде и нигде, не имеет ни начала ни конца; наш мир и все миры, если они бесчисленны—это тень вечного. Она иногда исчезает из вида, не стоит постоянно на одном месте и преобразуется в различные формы, но никогда не отлучается от своего живого древа жизни, и давно уже философы сказали: *materia aeterna*—вещество вечно, т. е. все места и времена наполнила. Тогда зачинается цыпленок, когда портится яйцо. Здесь уже чувствуется пантеизм—смешение бога с миром. Но в действительности Сковорода не был пантеистом в смысле Спинозы: бог—природа, но вторая, вечная, творящая, а не сотворенная, содержащая в себе первородный вещественный мир, т. е. мир в его вечной идее. Значит, бог и вещественный мир не одно и то же: правда, вещественный мир всегда с богом и он с ним, но это только его риза, одежда, он над нею—это уже монизм, вернее—нечто среднее между монизмом христианства и дуализмом Платона. В человеке однако и только в нем возможно превращение внешнего человека

во внутреннего, т. е. его обожествление, чего не может быть в вещественной природе.

Сковорода не говорит о сотворении мира богом, он зло, саркастически вышучивает библейскую сказку о сотворении мира в 6 дней. Но он все же началом всего существовавшего и сущего признает вечность, или бога, который есть безначальное начало и конец. Какое же первоначальное основание сущего? Ничто! Воля вечная облекла свои совершенства в видимые явления; эти желания вечной воли оделись в мысленности, мысленности в виды, виды в вещественные образы. Формы у Платона называются идеями, т. е. видами, образами. Каждое существо в мире есть изливание невидимого во временной видимости; совершив свой земной круг, оно снова вступает в свое начало, т. е. ничто—это есть смерть: *ката рет*. Кроме большого мира (вселенной) и малого (человека) Сковорода признавал еще и третий мир—символический, или Библию. В нем, как и в первых двух, также два начала—вечное и тленное, с одной стороны это сам бог, говорящий к людям образным языком—аллегорически, с другой—это змий, наводящий на человеческий род величайшие суеверия. „Две стороны, говорит Сковорода, имеет библейское море: на нашем берегу все ветхое, жалкое, на том все новое; тамошний горный человек беспредельно летает в высоту, в глубину, в ширину; не мешают ему ни горы, ни реки, ни моря, ни пустыни, провидит отдаленное, прозирает сокровенное, заглядывает в прежде бывшее, проникает в будущее, шествует по миру океана“. Сковорода принял Библию от слова до слова, не отбросил ее; но он принял только форму, и в эту форму вложил собственное содержание, так что после этого от нее в ее буквальном, церковном, христианском понимании не осталось в сущности ничего. В отрицании чудес он напоминает самых крайних скептиков философов XVII—XVIII вв. В частности, он решительно и категорически отрицает с величайшим сарказмом библейский рассказ о сотворении мира богом в 6 дней. „Вначале сотворил бог небо и землю“, но один только младенческий разум может сказать, будто вселенной когда-то не было или не будет. „А как в самых дверях (по половице) и на первом поскоке лжет, так и в самый первый день не постоянен: да будет свет“. Откуда же этот свет, когда все небесные светила показались в 4-й день? И как день может быть без солнца? Блаженная натура постоянна. Таким вздором через всю седмицу рыгает, будто был зрителем вселенского сего чудо-

творного театра и будто нужна знать, прежде ли цвет или родился гриб. Наконец, всю Божию фабрику сию самым грубым юродством запечатлел: „почил от всех дел своих“. Будто истомлен, ничего создать не мог уж больше. А если бы не сие помешало, было неизменно у нас ныне показались бы бесхвостые львы, крылатые черепахи и кобылы, хвостатые зайцы, единорожные волю, пухособольи ежаки, четыреокие и четыреушие судьи, правдолюбивые ябедники и клеветники, премудрые (сказать по-тевтонски) шпиц-бубы, по-малороссийски умные дураки и прочие чудовища и уроды, а за ними бы вслед, как Елисейское железо, вынырнуло бы, сказать по-римски, *perpetuum mobile* и философский все блато европейское преобразующий в золото камень... Библия скажет тебе, что бог плачет, ярится, спит, раскаивается, что люди преобразуются в соляные столпы, возносятся к планетам, ездят колясками по морскому дну и по воздуху, что солнце, будто карета, останавливается и назад подается, железо плавает, реки возвращаются, от трубного гласа разваливаются стены, горы скачут, как бараны, реки плещут руками, волки с овцами дружат, волю со львами пасутся, восстают мертвые кости, падает из облаков крупа с перепелками, из воды делается вино, а немые, напившись, беседуют и прекрасно поют. Сказано было — всякия крови да не яст, а потом, забыв об этом, говорит: пейте от нее вси, сия есть кровь моя, тройца во единце; единица в тройце быть не может. И все же говорит он об этих сказках, что эта дрянь дышет вечностью, если ее понять не буквально, а аллегорически, напр., Ной напился не пьяным вином, а правдою, снял с себя одежды — это значит отбросил прах (видимого). И его работа над Библией и состоит в этом нахождении ее высшего аллегорического смысла, но он не заметил, что при этом он совершенно в сущности отказался от церковного христианского бога, который превратился в вечность, истину, дух и любовь. От христианства не осталось почти ничего. Справедливо, говорит Товкачивский, оно осталось позади со своим богом, своим небом, раем и адом, но Сковорода в своем экстазе ничего этого не заметил. В этом его глубокое отличие от тех отцов церкви (Максим Испов. и др.), которые также толковали Библию аллегорически. Он на этих вершинах отрицания превратился из богослова в философа; свою сковородинскую библию он вывел не из откровения, а из своего философского разума. Такова была умозрительная философия Сковороды. Эта его метафизика носила

спиритуалистический характер, но его критика Библии приближала его к скептикам и нужно оценить в ней тот глубокий внутренний процесс, которым бурлак, питомец духовной школы самостоятельно дошел до такого сильного отрицания христианства и религии с их догматикой вообще. Практическая философия Сковороды, его этика сводится к его учению о счастье. Эта часть его философского мирозерцания тесно органически связана с его умозрительной философией, но она теснее связана с его жизнью, чем первая. Доказав, что верховное начало в мире есть вечность, Сковорода заключает, что счастье свое все должны основывать на нем, как на универсальном фундаменте, ибо все остальное, на чем обыкновенно стараются утверждать свое благополучие (богатство, чины, здоровье и т. п.), не прочное, не устойчивое и не универсальное для всех, и тогда счастье окажется достижимым для всех и даже не трудным. Здесь Сковорода развивает положение Эпикура, что природа сделала нужное не трудным, а трудное ненужным. Счастье заключается внутри, а не вне нас. Вникнув в себя, познав себя, мы найдем себе душевный мир, сердечное веселье, которое достигается мудростью и добродетелью; первое скажет, в чем оно состоит — отсюда первенствующая роль в жизни философов, вторая поможет его найти. Счастье каждого человека основано на открытии им путем самопознания своих сродностей и способностей, их нужно подметить в себе и сообразно с этим избрать себе род занятий; такое по сродности занятие будет, во-первых, благотворно для общества, а во-вторых — явится источником внутреннего удовлетворения. Все занятия хороши, если избираются по склонностям и способностям. Это доступное для всех счастье Сковорода картинно сравнивает с фонтаном, с надписью: не равное всем равенство, — льются из разных трубок разные токи в разные сосуды, вокруг фонтана стоящие. Меньший сосуд менее имеет воды, но в том равен большему, что, как и тот, одинаково полный. Счастье везде и нигде. Признаюсь вам, друзья, говорит Сковорода, что в эту самую минуту брошу свое проповедничество, хотя в нем состарился, если бы почувствовал, что занимаюсь им без склонности и способности, а имею сродность к скудельничеству: поверьте, что тогда мне веселее и удачнее было бы во сто крат лепить глиняные сковороды (намек на свою фамилию), нежели писать свои философские трактаты. При нарушении принципа сродности происходит ослабление и извращение результатов

государственной и культурной работы. Что безобразит и растлевает всякую должность?—спрашивает Сковорода. Несродность. Что умерщвляет науки и искусства? Несродность. Что обеспечило священнический и монашеский чин? Несродность. Воином кто рожден—дерзай и вооружайся, защищай государство от внутренних грабителей, внешних врагов. Студентом ли ты рожден, смотри, так ли это? Особенно требуется призвание от проповедников. Долго сам учишься, если хочешь учить других. Результатом всех наук и искусств должна быть практика, и проповедник должен подтверждать свою проповедь и практикою своей жизни. Нельзя что-либо строить своим словом, разоряя его своим же делом. И сам Сковорода, как актуальный философ-проповедник вполне удовлетворял этому требованию. Он жил так, как учил. Жил просто, бедно, с лишениями, но аскетом не был и наслаждался непосредственным общением с природой.

Из своей теории счастья Сковорода выводил и свою систему воспитания. В основу воспитания, как и счастья, он положил начало сродности. Нужно развить в ребенке его природные способности. Ребенок должен родиться в здоровой, нравственной атмосфере и тогда такому рожденному на добро нетрудно уже будет привить науки и нравственные начала. Тут главное сделает природа. Наука сама собою спеет из природных дарований. Природа—это единая и истинная наставница; не мешай ей, а только очищай дорогу. Не учи яблоню родить яблочко: уже сама природа ее этому научила. Огради только ее от свиней, отрежь волчицы, очисти гусень. Учитель—это служитель природы. Учиться нужно тому, к чему ведут склонности. Это дает сердечное спокойствие, ибо сердце каждого человека в этой убогой хижине; под его убогою одеждою можно найти дом свой—начало вечности.

5. Значение Сковороды.

Мы рассмотрели только философские труды Сковороды и не сделали обзора его литературных произведений, т. к. этому вопросу посвящаются отдельные работы, не рассматривали его писем, которые были посвящены тем же философским вопросам и являются в сущности также философскими трактатами, но только в более доступной, популярной форме, ибо преследовали ту же цель пропаганды, но лишь для отдельных лиц.

Сковорода не был оторванным от общества мыслителем; он был и пропагандистом своего мировоззрения в современ-

ном ему обществе. Спрашивается, для кого он писал свои философские трактаты и письма? Для каких тогдашних классов и каково было его влияние на них, какова была роль в этом влиянии его устных проповедей и примера его собственной жизни? Данилевский не придавал вовсе значения философским трактатам Сковороды, а только его жизни. В настоящее время, по-моему, нужно принять то положение, что на современников Сковорода влиял главным образом нравственно, живым примером собственной жизни, устными беседами и письмами; что же касается его сочинений, то они не были напечатаны, вращались только в рукописях в сравнительно незначительной группе его почитателей из духовной и светской интеллигенции, за исключением, однако, литературных трудов, стихотворений и басен, которые по своему содержанию и форме были доступны и более широким народным массам. Современники, думается мне, усваивали в большей степени его этику, нежели метафизику.

Что же касается простого народа, то он исключительно усваивал этику Сковороды, за исключением, однако, сектантов-духоборов, которые сильно и преимущественно могут быть интересовались и его христианской философией или внутренним духовным богословием, направленным против господствующей церкви. Представители этой последней—белое и черное духовенство, как отчасти и светское интеллигентное общество—распадались на два лагеря: его приверженцев (меньшинство) и равнодушных или ярых хулителей, а часто и гонителей.

Правительство зорко следило за тем, чтобы его сочинения не проникали в народную, особенно сектантскую, враждебную ему среду. За Сковородою и его идеями был тайный полицейский надзор. И если после смерти Сковороды даже в наше время при царском самодержавии по цензурным условиям не могли быть напечатаны самые ценные и самые смелые из его богословских трактатов, то что же сказать о блестящем веке Екатерины, когда мы вспомним о судьбе современника Сковороды—Новикова. Конечно, Сковороде ожидала бы не менее печальная судьба, если бы он вздумал напечатать своего „Израильского Змия“ или „Потоп Змиин“, хотя он и считал царицу „женщиной с Минервой“; чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить приведенные мною выше цитаты из его „Потопа Змиина“, о Библии. Вспомним также, какую бурю негодования среди монашества вызвал его курс лекций по христианской этике. У Сковороды не было вообще классовой иде-

ологии, в частности не было и буржуазной идеологии; его идеология, как по самой трансцендентной—универсальной сущности своей, касавшейся одинаково всех классов тогдашнего общества и даже всего человечества, так и потому, что сам он был деклассированным гражданином, была надклассовой или внеклассовой; он не поддерживал интересов правящих классов, хотя и не выступал против них, и при этом имел явное тяготение и личный уклон и симпатию в сторону низших классов; об этом свидетельствуют многочисленные факты и доказательства. Он обращался с живою устною проповедью и в письмах ко всем классам тогдашнего общества, к дворянству, к духовенству, проживал даже, как мы видели, у них. Но делал это потому, что они были тогда единственными представителями образования, которые могли понять и воспринять его новое слово, его философию. Дворянство, как самый образованный класс тогдашнего общества, он призывал на борьбу с суевериями. Укажу на один только типичный пример. Вот небольшой отрывок из его письма к Тевяшову, при отправлении им ему „Израильская Земля“. Указавши на то, что основной задачей всякой сознательной жизни является рационалистическое искание истины, Сковорода говорит, что люди высочайших фамилий должны упражняться не только в житейских делах, но и в самом главном—в мыслях, касающихся бога, должны находить истину и противоборствовать суеверию. Библия же навела и на еврейский и на христианский народ бесчисленные и ужасные суеверия. Указав с сарказмом на повествование Библии о чудесах, напоминающие отмеченные ранее, Сковорода замечает, что это детское рассуждение думать, будто природа когда-то и где-то делала то, чего теперь нигде не делает. Восстать против природы и ее законов это несчастная исполинская дерзость, любящая невозможное, а потому и ненужное. Это уже, как мы видим, ярко выраженный рационализм и научное признание законов природы, ее материи. Сковорода пробуждал в дворянстве уважение и любовь к науке, являясь сам как бы одновременно странствующей академией и университетом: его друзья и почитатели из помещиков были первыми жертвователями на учреждение в Харькове университета; это уже общественный результат проповеди Сковороды; но сильнее всего действовала на них— правда, частично, в узких пределах—его нравственная проповедь, особенно живым примером его собственной жизни; но здесь его более уважали, более ему изумлялись, нежели шли по его

стопам, подражали ему. Хотя в основу своей этики он положил афоризм Эпикура, что нужное нетрудно, а трудное ненужно, но в действительности рекомендованный им жизненный путь был труден, и мысль о возможности перестройки всего общества по принципу сродности в практическом отношении была утопична, хотя идея его в своем основании была жизненна и плодотворна.

Ту же мысль о борьбе с суевериями Сковорода внушал и другому наиболее образованному классу тогдашнего общества—духовенству. В своем исследовании о Сковороде (пока неизданном) я подробно разбираю вопрос о влиянии Сковороды на духовенство по его переписке. Здесь же только приведу одну яркую обличительно-сатирическую страничку против современных монахов-ханжей, взятую из одного из его сочинений: „Пятерица челоуеков бредут в преобширных епанчах на 5 локтей, по пути влекущихся; на головах капишоны. В руках не жезлы, а дреколье, на шее у каждого по колоколу с веревкою. Сумами, иконами, книгами обвешены. Едва, едва движутся, как быки, везущие парафиальный колокол. Вот разве прямо труждающиеся и обремененные. Горе им, горе—это лицемеры, сказал Рафаил, мартышки истинной святости. Они долго молятся в костелах, непрестанно в псалтырь барабанят. Строят кирпичи и снабдевают. Бродят по клопникам, по иерусалимам. По лицу святы, по сердцу всех беззаконнее. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы, ласкатели, сводники, немилосердны, непримирительны“. Известны и его обличения живого монашества устным словом. Страсть его была жить в крестьянском кругу; любил он переходить из слободы в слободу, из села в село, из хутора в хутор, и у всех он был свой. Жители тех слобод и хуторов любили его, где он чаще и долее оставался. Любили его, как родного. Он отдавал им все, что имел: не золото и серебро (которого у него не было), а добрые советы, увещания, наставления, дружеские попреки за несогласия, неправду, ссоры, нетрезвость, недобросовестность, и утешался, что труд страннической жизни не совсем был бесплоден. Среди селянства его нравственная проповедь нашла себе очень благоприятную почву. Об этом свидетельствует факт распространения в народе до самых Карпат его сатирической песни „Всягому городу“. Память о Сковороде долго жила в Слободской Украине. Об этом свидетельствует в своих записках Лубяновский. Старик крестьянин, помнивший Сковороду, сообщил ему, что этот последний был разумный и добрый человек и на-

ставлял их добру. Дичась неизвестных ему лиц из интеллигенции, Сковорода сам, наоборот, подходил к незнакомым ему лицам из крестьян и чувствовал себя в их обществе как в родственной ему стихии. И он делал это не случайно, а принципиально: он носил всегда не панскую, а мужицкую одежду, опростился внешне. По свидетельству Камышанского, особенно привлекал к Сковороде простой народ его украинский язык, на котором излагал ему свое учение этот новый Сократ. „Надо мною позоруют (насмеваются), говорил Сковорода, правда, в недошедшем до нас сочинении, из коего сохранил отрывки Хиждец, пускай позоруют, обо мне бают, что я ношу свечу пред слепцами, а без очей не зреть светоча—пускай бают; на меня острят, что я звонарь для глухих, а глухому не до гулу—пускай острят; они знают свое, а я знаю мое и делаю мое, как я знаю, и моя тяга мне успокоение. Барская умность, будто простой народ есть черный, видится мне смешная, как и умность тех названных философов, что земля есть мертвая, ибо как мертвой матери рожать живых детищ. И как из утробы черного народа народились белые господа. Мудрствуют: простой народ спит; пускай спит и сном богатырским, что лишь в сказках, но всяк сон есть пробудный, и кто спит, тот не мертвечина и не трупище околешее. Когда выспится, так проснетя, когда намечтается, так очнется и забодрствует и забдит“. Какая тут глубокая вера в свой народ и какое интуитивное проникновение в его будущее! Ведь в последних подчеркнутых мною строчках как бы живое указание на нашу социальную революцию, когда украинский народ очнулся, забодрствовал и сделался кузнецом собственного благополучия. Будучи украинским народником-демократом, Сковорода в то же время признавал себя и гражданином всемирным, т. е. интернационалистом. Сковорода видел свое призвание не только в философском творчестве, но и в проповеди своей философии. В этом он обрел и свое счастье. Он вывел сам себя как странника под именем „Варсавы сын Саввы“ (так он постоянно подписывался) в одном из своих литературных произведений в таком образе: „Он шествует с жезлом веселыми ногами и местами и спокойно воспевает: пришлец я на земле. Воспевал, обращая очи то направо, то налево, то на весь горизонт; почивает то на холме, то при источнике, то на траве зеленой, вкушает пищу без приправ, но сам ей, как искусный певец простой песни,

придает вкус. Он спит сладостно. Встает заутро свежий, исполнен надежды. День его—век ему и есть, как тысячу лет, и за тысячу лет нечестивых не продаст его. Он по миру паче всех нищих, но по богу всех богаче. И что лучше, как веселие сердца—живот человеку“. Идеалом для него здесь служит проповедник, странствующий богослов—Христос. Измученный дорогою сидел он при источнике, томимый голодом и жаждою. Было около полудня. Не было с кем завести ему беседу. Пришла жена за водой—вот и случай: попросил у нее напиться не для утоления жажды, а для того, чтобы начать беседу. Не устыдился, не опасался муж божий со слабым полом богословствовать, в надежде, что авось либо приведет ее из суеверия в истинное богочтение, которое не привязано ни к полу, ни к состоянию, ни к месту, ни ко времени, ни к обрядам, а только к одному сердцу. Учит в сонмищах, учит в домах, учит на улицах, учит в корабле, учит на траве зеленой, на горах, в вертоградах, на ровном месте, стоя, сидя, ходя, ночью и днем, в селах и городах. В несродное себе дело не мешается. Сопоставим это с вышеприведенною автобиографическою выдержкою Сковороды о себе самом—и мы увидим, что они тождественны, в обоих тип проповедника универсальный, имеющий вечное значение для всех времен и народов, конечно, при условии, что всякое время, эпоха должна вкладывать в проповедь свое собственное содержание, имеющее в виду истину и общее благо. Не будучи сектантом и даже вооружаясь принципиально против сектантства, как против „особничества“, Сковорода в то же время сделался одним из видных идеологов секты духоборов, которая в свое время старалась, правда, сохранить религию в реформированном виде в народе, но в то же время носила оппозиционный характер в религиозно-социальном отношении. Не было случайностью у Сковороды и его опрощение в жилище, в одежде, пище, образе жизни, в языке для бесед с простым народом. Тот же уклон в сторону трудящихся мы замечаем в его харьковских баснях, предназначавшихся для широких кругов. В письме при отсылке басен своему другу он сообщил, что их писал, уйдя из преподавания в окрестностях Харькова—лесах, полях, садах, деревнях и пчельниках, подражая древним мудрецам. „Лавр и зимою зелен. Так мудрые и в игрушках умны и во лжи (внешней шелухе истинны). Не мои это мысли и не я их измыслил, но я их люблю и потому они мои; полюби их и они будут твоими“. В басне „Пчела

и шершень" проводятся мысли, что одни (шершни) сами не трудятся и живут на счет других, а пчела есть символ мудрого человека, трудящегося в сродном ему деле; в басне „Кукушка и кошка" говорится: счастлив тот, кто сопряг сродную себе частную должность с общею. Сковорода прямо не восставал против тогдашнего социального гнета правящих классов, ибо избрал себе другую статью, но мы видели, что он подверг общему огульному осуждению господствовавший в его время порядок и быт в своей сатирической песне „Всякому городу". Не менее характерным является его стихотворение, где он высказал свое отношение к свободе: De libertate (О свободе).

Что то за вольность? Добро в ней какое?
Ины говорят, будто золотое.

Ах, не златое: если ставить злато

Против вольности, оно еще блато (болото).

О, когда бы же мне в дурни не пошиться,

Дабы вольности не мог как лишиться.

Будь славен во-век, о муже избране,

Вольности отче, герою Богдане.

Здесь Сковорода является энтузиастом свободы; она для него не золотая свобода, а неизмеримо большее благо; по сравнению с ним золото—болото, грязь; отцом этой свободы он считал Богдана Хмельницкого, очевидно, в связи с освобождением украинского народа от политического, национального и социального ярма польского. Здесь его идеология напоминает ту, какую высказывало козачество и мещанство в наказах своим депутатам в Екатерининскую комиссию для составления проекта нового уложения и какая была резким протестом против уничтожения Екатериною автономии Украины с сохранявшейся еще при ней личной свободой крестьян и козаков. В стихотворениях Сковороды мы находим не мало автобиографических подробностей, и в некоторых из них он именно рисует, как свой идеал, бывший в то время для него действительностью, сельский уклад жизни, сельский покой с шумом источников, с темными прохладными лесами, с зеленью лугов, тишиною, нарушаемую только пением птиц и свирелью пастуха; свой стол с простыми крестьянскими кушаньями без излишеств, не изготовленными поварами, а такими, какие готовит мать своим возвращающимся с пахоты мужу и детям, и, наконец, свою библиотеку с небольшим количеством мало кому доступных книг. В другом стихотворении он говорит, что у иных имеются заводы волов и иностранных

лошадей, заморские сукна для одежды, ему же судьба дала убогий грунт, но зато он мог несколько испытать из чистых греческих муз и потому пренебрегает этими излишествами. В третьем стихотворении он счастье мудреца сводит к свету мудрости в уме и здоровью в теле. В 4-м стихотворении он заявляет, что другие имеют грунты, которые, однако, могут вдруг пропасть, его же жребий с голяками (пролетариями), и вкусить немного мудрости; эпитафией выставлена мысль: чашу счастья могут пить все; ему же в жизни нравится только свобода и самый простой жизненный путь.

Все это в совокупности рисует нам Сковороду украинским народолюбцем XVIII века. Спросим же теперь себя в заключение: сохранил ли он какое-либо значение для нас, переживших и переживающих огромный сдвиг в связи с социальной Октябрьской революцией? Ответу кратко: остается в силе научная оценка Сковороды, как исторического деятеля в исторической перспективе на фоне его эпохи, тогдашних социальных условий, как представителя запоздавшей у нас эпохи возрождения, как смелого религиозного мыслителя, желавшего быть реформатором, как первого и единственного у нас самостоятельного народного странствующего философа, сочетавшего жизнь с учением. Таков Сковорода на историческом фоне, таково историко-литературное, подчас чисто антикварное его значение, не связанное с условиями современной нам действительности. Но и в условиях этой последней, даже для многих последующих поколений, при всех формах общежития, многое останется весьма ценным: прежде всего его жизнь с беззаветною преданностью идее, с полным воплощением требований проповеди к собственной жизни. Отжили старые формы тогдашней жизни, отжили и формы страннической жизни, усвоенные Сковородой, не потерял и не потеряет однако цены идея учительства ученого мудреца среди народа и для народа в доступном его пониманию изложении. Всегда будет ценен его протест против омертвевших форм жизни, особенно в сфере религиозной; он не был атеистом, но его религия носила философский характер, и его бог не был христианский богом, а только отвлеченным понятием вечности, разума, правды, с единым для него началом—монизма. Его философия представляет теперь только исторический интерес; она носила умозрительный, часто схоластический характер и даже во многом была противоположна материализму, переходя в спиритуализм, в его методах и

приемах доказательств много средневековой схоластики, но все же ее рационалистические элементы пробуждали критическую мысль, и его философское искание истины расчищало почву и для настоящего чисто научного мирозерцания, которые были невозможны тогда по низкому уровню научных знаний! Его учение о самопознании и особенно теория о природных склонностях и воспитании имеют непреходящее значение и не лишены практического интереса даже для нашего времени в смысле наиболее рационального использования для коллектива способностей и склонностей отдельных индивидуумов и подрастающего поколения; имеет значение для современного социалистического строительства жизни и его мысль о желательности совпадения своих обязанностей с общественными, и, наконец, его своеобразный отказ в какой бы то ни было форме от собственности! Менее всего нас удовлетворяет теперь Сковорода в социально-экономическом отношении, но это, конечно, потому, что великая социальная революция произвела в этой сфере колоссальный сдвиг, в основу коего было положено учение К. Маркса „Капитал“, которого отделяет от смерти Сковороды 73 года да от нашей революции 50 лет; Сковороду же от нашей революции—128 лет. Впрочем и расценивать его нужно теперь не как классового социального борца, каким он не был, а как культурного деятеля, призывавшего все классы к умственному и нравственному пробуждению.

Совнарком РСФСР издал декрет о постановке в Москве памятников только двум украинским деятелям—Шевченку и Сковороде. Теперь, с согласия Совнаркома УССР, поставлен памятник ему в Чернухах и Лохвице местным Уисполкомом. Это справедливая дань уважения к его памяти со стороны пробужденного к новой жизни населения Украины.

Акад. Дм. Багалея.

Н 84826

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

